

УДК 821.161.1

ТЕМА ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ В. РАСПУТИНА «ИЗБА»

Валентин Распутин – писатель, предвосхитивший неизбежный духовный кризис общества, в котором преданы забвению нравственные ценности. Своеобразие его творчества заключается в неизменной опоре на народный нравственный опыт. В. Распутин один из тех «деревенщиков», который наиболее последовательно и постоянно утверждает непреложность нравственных основ бытия человека в мире. Жизнь у В. Распутина всегда берется в ситуации исключительной, пограничной. Смерть Анны в «Последнем сроке», гибель Настены в «Живи и помни», ситуация «конца» в «Прощании с Матерой». У В. Распутина центральный герой концентрирует в себе весь психологический, нравственный, философский заряд произведения, всегда является носителем света. Таковы его героини, представляющие собой яркий тип русских женщин: Василиса, Мария, Анна, Настена, Агафья, Дарья.

В чем загадка русского национального характера, что происходит с человеком, для которого нравственный опыт поколений стал не таким уж важным? Эти и другие проблемы исследует писатель в своих произведениях.

В конце XX века и перед началом нового тысячелетия В. Распутин поднимает свою центральную тему: тему памяти, тему связи поколений, тему своих «корней». Эта тема звучит во многих его произведениях. И в первую очередь в «Прощании с Матерой». В рассказе «Изба» эта тема находит свое продолжение. «Изба» – это не просто рассказ, не просто история Агафьи и затопленной деревни, это своеобразная притча, насыщенная метафорическими описаниями и символическими образами.

Рассказ состоит из трех смысловых частей. В первой части наиболее четко и прямо звучит идея «корней», наследия. Эта часть рассказа открывается полуполюгендарным, почти мистическим описанием избы. Образ избы, дома для

В. Распутин и всего его творчества очень важен, он является олицетворением русской деревни. В то же время, как отмечает С. В. Перевалова, «это основа мироздания и жизни, то, что держит на земле, становится опорой, внутренним стержнем, отогревает застывшее сердце, дарит радость и счастье, а еще – и это является главной мыслью "Избы" – вселяет надежду на национальное духовное возрождение» [2; с. 31].

И Агафьин дом вбирает внутрь себя и хранит все самое святое: святую печаль, страдание, подвижничество, представление о совести. Как отмечает И. И. Шпаковский, «изба – это не просто освоенное пространство, но "вселенная" человека, средоточие социальных, нравственных, бытовых отношений, определяющих бытие "этического" "человека кондовой" России, тот "геном" национального менталитета, который осуществляет связь времен» [4].

Описывая осиротевшую избу, В. Распутин использует большое количество конкретных деталей. Она «почерневшая», «осевшая на левый затемненный угол», постаревшая «до дряхлости», с оконными стеклами, забитыми пылью. Но в то же время «все же каким-то макаром из последних сил изба держала достоинство и стояла высоконоско и подобранно, не дала выхлестать стекла, выломать палисадник с рябиной и черемухой, просторная ограда не зарастала крапивой, все так же, как при хозяйке, лепили ласточки гнезда по застрехам и напевали-наговаривали со сладкими протяжными припевками жизнь под заходящим над водой солнцем». Писатель дважды использует слова «все же» и «все так же», обращая наше внимание на то, что жизнь продолжается, хотя хозяйки и нет в живых. Ласточки не покинули избу, они чувствуют здесь тепло, уют и выют свои гнезда, свой дом, тем самым заявляя о продолжении жизни.

Изба, хранившая память о своей хозяйке, притягивает к себе и деревенских женщин. Теперь около нее, как прежде ночью у огня, печалются старухи, отходя душой. Изба – «это "скрепка времен", та фундаментальная форма национальной ментальности, базовая основа и этическая модель

традиционных культурных стереотипов, которая противостоит национальному нигилизму, агрессии бездуховности, отлучения от истории и традиций» [4]. И вместе с избой живет память о русской женщине Агафье.

Вторая часть рассказа «Изба» интересна в жанровом отношении, в ней видны черты агиографии. Именно здесь рассказывается предыстория жизни героини до затопления родной деревни. Упорство, трудолюбие, боязнь «изнурить себя бездельем» напоминают житие русской праведницы. Эта часть большей частью посвящена обустройству избы Агафьей на новом месте. Изба является центральным образом-символом.

Главная героиня не только переносит избу на новое место, но и обустраивается в поселке по обычаям, заведенными ее предками. Это отражается, в первую очередь, в убранстве избы: Агафья не только не отказывается от глинобитной печи, как это сделал Савелий, но ей самой пришлось сложить печь в новой избе: «И гудела печь, выбрасывая из дверцы трепещущие блики». А ночью лежала Агафья «без сна, слушала, как кряхтят в углах набирающие тепло стены, как тяжело отдыхивается после топки печь». Печь издревле на Руси считалась главным оберегом и символом родного дома, символом тепла. Для Агафьи же печь – душа ее избы. Именно поэтому Агафья после переезда, до того, как была построена изба на новом месте, каждую ночь уходит ночевать в родную деревню. Ведь там осталась печь – основа дома, основа красоты ее, душа ее избы: «Но ночевать она по-прежнему убегала в Криволуцкую... ой, да не на ногах убегала, а летом улетала. До упади изматывалась, но только нацелит ногу на Криволуцкую дорогу – и себя не помнит, как добежит. Возле русской печи, брошенной под небом, и разбередится, и успокоится, как на родной могилке».

Символическое звучание приобретает и огонь, очаг. В. Распутин достаточно много в рассказе отводит места описанию вечеров возле огня. Очаг предстает как связующее звено между Небом, жизнью и предками, между прошлым и будущим. Часто Агафья вспоминала «старину», которую захватила «краешком»: «Она хорошо помнит, как в детстве жгли лучину и полуночничали

возле камелька, как трещало, брызгая искрами, смолье и по лицам, собиравшимся возле огня, играли колдовские всполохи... Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказываемых не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за "правдашние", такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!».

Изба для Агафьи – это не только строение, но это еще и то место, где жили ее предки, которое хранит память о них. Агафья стала последним человеком своего рода, «здесь Агафьин род Вологжиных обосновался с самого начала и прожил два с половиной столетия, пустив корень на полдеревни». Ее род просуществовал два с половиной века и оборвался на ней, не оставила она после себя достойного продолжателя рода.

Вот почему Агафья не может уйти из села, из дома. Ее держит место, где он стоял, кладбище, где похоронены ее предки. Недаром у слова дом, есть однокоренное *домовина*, которое обозначает «Гроб, особо однодеревый, долбленный, какой любят крестьяне» [1]. Место захоронения родных тоже в каком-то смысле носит в себе понятие дома. Бросать такие места, забывать о своих корнях нельзя. Героиня рассказа чувствует преемственность родовой цепи, которая идет от предков и должна передаваться потомкам. Эта преемственность – основа гармоничного народного мироощущения, но вместе с тем – и морально-психологическая подоплека, определяющая жизненные устои характера человека.

К дому, к ее избе обращены все помыслы Агафьи, к ней тянется она душой, первое время даже спать не может на новом месте, все тянет ее к избе, ее видит она во сне: «приснился Агафье сон, поразивший ее на всю оставшуюся жизнь: будто хоронят ее в ее же избе, которую стоймя тянут к кладбищу на тракторных санях и мужики роют под избу огромную ямину». Деталь «тянут к кладбищу» несет в себе огромный эмоциональный заряд, ведь это разрушение устоявшихся в деревне традиций. И как легко это происходило: разрушали, затапливали, переезжали с места на место. Теряли созданные ценности, и не

только материальные, но и моральные, нравственные. В такой форме сна выступает память, память о малой Родине, о прошлом. Память – это и память отдельного человека, и память народа.

И Агафья во что бы то ни стало решила отстоять частицу своей жизни, отстоять то, что ей дорого. Родной дом, вернее, то, что от него осталось, окружающая природа придают Агафье силы, помогают ей преодолеть страх, и она с энергией, которой позавидовали бы молодые, возводит заново свою избу. И после того, как изба была построена, Агафья любила, «одевшись потеплее и устроившись на высокий еловый пенек, показывать себя рядом с избой», и «лелеяла» ее: «по старинке скребла половицы косарем и натирала их песочком».

Главная героиня показана в постоянном действии с сознанием того, что нужно жить так, как жили ее предки. Агафья не вкладывает материальный смысл в постройку избы – это некое духовное действие, своеобразное переживание. Но как эта изба строится из старых бревен, так и жизнь героини возводится на прежних началах и принципах. Она никак не может понять условий нынешней жизни и принять их. Почему молодежь уезжает из деревни, бросает «могилы и старину»? И это непонимание усиливает ее душевную боль, ее личную трагедию, связанную с ее дочерью Ольгой, которая одна из первых уехала из деревни в город. И. И. Шпаковский отмечает: «Распад «вековечного порядка» представляется следствием насильственного нарушения естественного течения жизни, нравственной эрозии общества, превалированием того неумного рационализма, которому противостоит "философия сердца" Агафьи» [4].

Агафья ответственна перед памятью ушедших предков, и в то же время она полна думами о будущих поколениях. Агафья показана В. Распутиным как человек, для которого поколения предков не исчезали бесследно, но, переходя в иное бытие, существовали одновременно. Носитель такого сознания мысленно держал ответ за каждый свой поступок перед предками и потомками. Для того чтобы твердо стоять на ногах, нужно держаться корней – вот простая мудрость,

о которой помнят герои рассказа Агафья и Савелий, такой же одинокий старик. Это они вспоминают, как вечером, сидя у огня, пели песни, рассказывали сказки да «ужасти», как топили печь по-старинке. И есть в этих воспоминаниях о прошлом что-то волшебное, притягательное, задевающее за живое, что-то очищающее душу, лечащее ее.

Агафью же силой вталкивают в новую жизнь, чужую и непонятную, где ее духовным ценностям нет места: «...все больше выкореняется старина, выходит на поверхность. И не вниз ляжет, как века до нее, плотным удобренным пластом, а выдуются в воздух». То же переживает и Савелий. По выражению Агафьи, «было в нем что-то дальнее», оттуда, из прошлого, основательное, надежное... Но и он не выдержал, подался уговорам родственников и уехал в райцентр. Как ни трудно было герою это сделать, он порвал связь с землей, с «могилами и стариной». Но, как пишет В. Распутин, «у одного стебля корни дважды не отрастают». Узнала Агафья, что Савелий вскоре умер от рака. Героиня же до конца несет свой крест, и предстает в рассказе островком той русской старины, которая безвозвратно уходит, носительницей патриархального уклада жизни.

В третьей части рассказа аллегорически описана «жизнь» избы после смерти Агафьи. После смерти Агафьи умерло и ее пристанище. «Изба осталась сиротой. Зимой простояла она безжизненной – ни дымка, ни огонька, с закрытыми наглухо окнами, оцепеневшая, бездушная, холодная, скорбная... умершая безмогиленно». Наводила она «на живых тяжелую тоску». А когда «кто-то догадался открыть ставни» и «дать свет в окошки», «...задышала изба, очнулась, натянулась, вся, подставила солнцу маленькие ослепшие глаза, заслезилась, принимая тепло, и за два дня скинула с себя смертельный вид. – Господи! – крестились бабы, оборачиваясь на избу. – Будто Агафья воротилась». И тот, кто заглядывал в избу, замечал, что во всем чувствуется присутствие Агафьи, «догляд за избой». Изба продолжает жить, храня память о своей хозяйке: «Агафьиная изба встречала и провожала зимы и лета, прокалялась под жгучей низовкой с севера стужено, стонала и обмирала до

бездыханности и опять отеплялась солнышком». И этот образ пустующей, но сохраняющей внутреннюю жизнь избы предстает на фоне запечатленной эпической панорамы «ужимающейся» жизни поселка и даже «изнашивающегося» мира в целом: «Ахнула оземь взятая ненадежно жизнь и покалечилась так, как никогда еще не бывало».

Таким образом, изба в большей степени становится символом духовной жизни, русской патриархальности, родовой памяти. Память – это высшая инстанция, особая форма времени. Память – это составная хронологического кода; человек, помнящий прошлое, знающий его, ответственен за то, чтобы передать его будущему. Человек, забывший прошлое, выпадает из цепи времени, а выпавший попадает во вневременное пространство, то есть, у него нет прошлого, настоящего и будущего, значит, его ожидает духовная смерть. В рассказе раскрывается философия исторического времени, трагедийный опыт современной жизни, оказавшейся перед угрозой выпадения из цепи родовой преемственности: «Не похоже, чтобы ее и сто лет спустя можно было назвать стариной...».

В конце рассказа идейным содержанием наполняется мысль автора, что нужно помнить о своих истоках, возвращаться к ним, а не рвать с ними связь. «И в остатках этой жизни, в конечном ее убожестве явственно дремлют и, кажется, отзовутся, если окликнуть, такое упорство, такая выносливость, встроенные здесь изначально, что нет им никакой меры».

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 7-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
2. Перевалова С. В. Автор и герои в прозе В. Г. Распутина 1990-2000-х годов / С. В. Перевалова // Русская словесность. – 2006. - № 8. – С. 29-33.
3. Распутин В.Г. Изба / В. Распутин // Наш современник. – 1999. – №1. – С. 3-20.

4. Шпаковский И. И. Концептосфера рассказа В. Распутина «Изба». [Электронный ресурс] / И. И. Шпаковский. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/52693185-Konceptosfera-rasskaza-v-rasputina-izba.html>

АННОТАЦИЯ

Шишкина И.Е. Тема памяти в рассказе В. Распутина «Изба»

Предлагаемая статья посвящена одной из основных тем произведений В. Распутина – теме памяти, отношениям между поколениями – нашедшей свое продолжение и выраженной по-новому в рассказе писателя «Изба». Автор приходит к выводу, что это произведение является своего рода притчей, в которой изба становится символом духовной жизни русской патриархальности и наследственной памяти.

Ключевые слова: образ, рассказ, Распутин, символ, память, тема.

SUMMARY

Shishkina I.E. Theme of memory in the story «The Log Hut» («Izba») by V. Rasputin

The suggested article deals with the way one of the main themes of V. Rasputin's works – a theme of memory, relations of generations, one's origin – is continued and expressed in a new manner in the writer's story «The Log Hut» («Izba»). The author arrives at a conclusion that this story is a kind of parable in which the log hut generally becomes a symbol of spiritual life, Russian patriarchy, and ancestral memory.

Key words: image, story, Rasputin, symbol, memory, theme.